

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ А.К. САЛМИНА «ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ВЕРСИЙ»¹

П. Вереш

*Институт комплексных исследований гуманитарных наук Академии наук Венгрии,
Будапешт, Венгрия,
e-mail: veres@etnologia.mta.hu*

THE REVIEW FOR THE MONOGRAPH BY A.K. SALMIN «HISTORY OF THE CHUVASH PEOPLE: AN ANALYSIS OF MAJOR VERSIONS»

P. Veres

*Research Centre for the humanities, Institute of Ethnology, Hungarian Academy
of Sciences, Budapest, Hungary,
e-mail: veres@etnologia.mta.hu*

DOI:10.14258/ssi(2020)1-10

Русский ученый с мировым именем В.И. Вернадский в свое время предвидел, что грядущая наука будет внутренне выстраиваться не по дисциплинам, а по проблемам, которые в рамках лишь одной узкой научной специальности не могут быть даже корректно поставлены. Не случайно Вернадский гениально заметил: «Если для творческих ученых и есть какая-то одна конкретная стратегия мышления, то это способность устанавливать связи, которые ускользают у большинства людей, вернее других исследователей. Можно называть это способностью *сопоставлять несопоставимое*, которое позволяет способным специалистам видеть отношения, невидимые для других. Они включают воображение, используя не связанные между собой стимулы и связывая их со своей темой. Талант — по современной терминологии креа-

¹ Публикуется в авторской редакции.

тивность — это результат приверженности к интеграции различных точек зрения, когда ученый достигает успеха в нескольких различных областях и затем, *синтезируя* их, начинает приближаться к пику человеческого творчества. Через интеграцию различных точек зрения открывается глубинная структура идей. Раскрытие глубинной структуры, лежащей под многочисленными и разнообразными поверхностными структурами, — основной критерий подлинного научного творчества».

Все вышесказанное, несомненно, относится и к рецензируемой работе доктора А.К. Салмина, который ставит своей целью детальное изучение этногенеза, а также самых древних этнокультурных взаимосвязей далеких предков чувашей с другими соседними этносами, в том числе угорским миром, в ходе истории Евразии. Книга посвящена вопросам плодотворности современного интердисциплинарного подхода для решения ряда актуальных проблем в современной алтаистике и финно-угроведении, хунгарологии, в частности хронологии распада угорской общности, а также этимологии разных тюркских, угорских и других этнонимов. Автор демонстрирует возможность привлечения к решению вышеназванных задач не только данных лингвистики, этнографии, палеоэтнологии, археологии, но и исторической географии, палеоклиматологии и палинологии. По-новому ставятся и решаются некоторые важные вопросы этногенетики родственных и неродственных по языку народов. С этой целью автор, досконально владеющий специальной литературой по данной научной теме и на иностранных языках, привлекает комплексные данные многих дисциплин не только российских ученых, но и зарубежных, в том числе венгерских: по истории, географии, физической антропологии, генетике, археологии, религиоведению, алтаистике-тюркологии, кавказоведению, финно-угристике/уралистике, включая этнонимы, а также этнографии и фольклористике, искусству и даже палеоэкологии. Таким образом, автор, оригинальные научные результаты которого имеют, несомненно, международное значение, на 346 страницах своего междисциплинарного монографического исследования пытается решить не только очень интересные, но и весьма глубокие проблемы. А подобных итоговых комплексных работ, к сожалению, в настоящее время не так много.

Монография Антона Кирилловича Салмина «ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: анализ основных версий» красноречиво свидетельствует о том, что российская этнология, так же как лингвистика, антропология, генетика и археология, несомненно, является лидирующей дисциплиной в мировом масштабе. Ведь бывший СССР и нынешняя Россия являются государствами, в которых проживает более 100 народов, где национальный вопрос всегда интенсивно изучался не только эмпирически, но и теоретически. Результаты исследований советских и российских ученых в области этногенеза, этнической истории и этнической идентичности, а также национальной политики имеют огромное научное значение и для европейских стран. Тем более для венгров: ведь мадьяры (= венгры) — единственный народ среди этносов, говорящих на финно-угорских языках, который в ходе их этногенеза переместился из северо-евразийской лесной области в степную зону и там приобрел черты типичного кочевого хозяйства — *номадизма*. Ханты и манси, самые близкие родственники венгров по языку, проживают в Западной Сибири. Нынешняя этни-

ческая территория обских угров Зауралья, по новейшим данным, раньше полностью входила в восточную часть финно-угорской прародины уральских народов. Внимательно читая объемистую монографию Антона Кирилловича Салмина, надо честно и непредвзято признать: создается такое впечатление, что российский автор во многих случаях лучше разбирается в венгерской праистории, чем большинство специалистов по данной дисциплине в Будапеште. Это не вежливое преувеличение, а печальный факт истории венгерской науки. Дело в том, что этногенез и ранняя этническая история венгров до 895–900 гг. нашей эры включительно полностью происходили именно на территории СССР/России. Поэтому без знания огромной российской специальной литературы невозможно объективно реконструировать венгерскую праисторию до появления венгерских племен — кочевников-номадов, более точно — полукочевников на современной этнической территории их потомков, т.е. на западном краю евразийской степной зоны, что произошло под сильным давлением экологических изменений на рубеже IX–X вв. нашей эры, около 895–900 гг.

Так, например, кардинальный этногенетический, вернее этноисторический вопрос: где впервые встретились в евразийской степной зоне, т.е. имели весьма длительные этнокультурные связи, предки полукочевников-чувашей с типичными номадами-протомадьярами? На этот вопрос до сих пор, т.е. в течение более чем 100 лет, венгерские тюркологи не могли ответить, хотя именно они установили в венгерском языке около 350 чувашских заимствований. Но, фрагментарно зная сложную историю степи, этот интересный факт ошибочно интерпретируют специалисты в Будапештском или Сегедском университете даже сегодня, когда совершенно неожиданно в области праистории венгров возникла «новая идея». Недавно молодой археолог выступил с «сенсационным» заявлением о том, что ему удалось сделать с помощью анализа только археологических материалов новое интересное научное открытие, на основе которого можно сделать далеко идущие выводы. Даже таким образом можно полностью переписать все отечественные учебники по истории, от начальной школы до университета. Потому что по его предположению венгры-кочевники как будто очень быстро, всего-навсего в течение 50–80 лет, перекочевали от Урала до Паннонии. До профессионально сделанного рекламного заявления автор этой преждевременной «сенсации», к сожалению, даже не прочитал богатую специальную литературу по этой теме не только на русском языке, но даже по-венгерски или по-английски и т.п. Ведь данным вопросом подробно и успешно занимался также этнолог А.К. Салмин, с чем и выступил в публикации в авторитетном журнале Венгерской академии наук *Acta Ethnographica* (2014 г.). Известный российской этнолог не только вновь поднял эту старую историческую проблему, но и оригинально и, по моему мнению, несомненно, убедительно решил ее в настоящей рукописи, а также в книгах, изданных уже в США и Болгарии. С позиции автора, под мощным природным влиянием угорские предки древних венгров (=мадьяров) были вытеснены из лесной зоны в степную область Западной Сибири, потом — аридную Казахстана, где они под сильным экологическим давлением довольно быстро превратились в типичных номадов с коневодческим уклоном. Таким образом, из-за своеобразных географическо-климатических условий в полупустынном регионе Северного При-

каспия протovenгры не знали ни земледелия, ни крупного рогатого скота, как и номады-скотоводы казахи этих же аридных районов, до XIX в. Это очень интересная и убедительно обоснованная концепция господина Салмина, **ведь этногенез древневенгерского народа по андроновским антропологическим данным Г.Ф. Дебеча, Карин Марк и Тибора Тота (1965, 1969, 1970, 1978) протекал именно в районе степей Западной Сибири и полупустыни соседнего Северного Прикаспия, в том числе Приаралья.** Эти регионы, по мнению московского профессора-этнолога Г.Е. Маркова, а также М.П. Грязнова и С.А. Руденко (1967, 1978, 2010), как раз являются областью моноцентрического возникновения евразийского номадизма, который имеет колоссальное значение не только в этногенезе венгров или многочисленных тюркских и других народов, но и в истории мировой культуры.

Надо согласиться с и другим очень важным тезисом концепции Антона Салмина: своеобразный, весьма тесный и длительный этнокультурный и хозяйственный симбиоз предков чувашей и древних венгров осуществлялся **не на лесистой территории к западу от Уральских гор, как традиционно обычно ошибочно считали зарубежные ученые,** в том числе венгерские, а намного южнее, несомненно, **в восточноевропейском степном районе,** конкретно недалеко от Северного Кавказа. Надо сказать, автор правильно категорично исключает столетнюю концепцию венгерских исследователей праистории, которые часто утверждали, что регион совместного обитания угорского и тюркского народов находился якобы на севере, в лесной зоне Поволжья. Это до сих пор довольно популярная, но давно устаревшая рабочая гипотеза основывалась в том числе на тех лингвистических фактах, что некоторые термины первоначального земледелия и скотоводства, а также приемов обработки молочной продукции крупного рогатого скота были позаимствованы венграми-кочевниками, несомненно, у предков-чувашей, не говоря о схожести стилей народной музыки — пентатоники — указанных народов (помимо соседних марийцев). Однако долгое время не обращалось должного внимания на то, что разные варианты пентатоники широко было распространены у всех тюркских народов и других этносов, которые в свое время постоянно кочевали в евразийской степной зоне от Китая до Карпатских гор. Трубецкой об этом писал раньше подробно, хотя он не знал о пентатонике в архаичном слое венгерского народного пения, выявленного основателем мировой музыкальной этнологии Белой Бартоком в начале XX в., когда он впервые обнаружил мощные чувашско-венгерские параллели и в народной музыке (не говоря о единой архаичной музыкальной области евразийской степной зоны и о черкесах-кабардинцах-адыгах, архаичные мелодии пентатоники которых попали на Кавказ, вероятно, под степным влиянием соседних тюрков — карачаевцев и балкарцев).

Кроме всего этого свежие результаты алтаистов недавно указали на новый аспект в географическом плане, так как интересным образом эти же чувашские слова-заимствования в венгерском языке нашлись и в монгольском языке. Этот весьма любопытный лингвистический факт однозначно говорит о том, что А.К. Салмин совершенно прав, типичные кочевники — древние венгры, как и предки монголов, заимствовали терминологию, касающуюся земледелия и крупного рогатого скота,

в разное время — тем не менее из общего источника, который имел специфический чувашский языковой характер. Все это подтверждает верность излагаемой в монографии новой исторической реконструкции А.К. Салмина — довольно длительного симбиоза полукочевников — предков чувашей с типичными номадами-венграми (или монголами). Эти кочевые степные народы однобоко специализировались исключительно на животноводстве, но по своеобразным экологическим причинам не знали именно крупного рогатого скота, типичного для хозяйства «полукочевников» степи.

Таким образом, известный российский этнолог совершенно прав в том, что напрасны поиски несуществующих археологических свидетельств типичных кочевников-мадьяров в лесной территории Поволжья, где живут теперь чувашаи-земледельцы: там венгерские племена никогда не жили по экологическим и другим причинам. Следы венгров следует искать не на севере, а на юге, прежде всего на Северном Кавказе, а также в южнорусских степях. Именно в этой важной экологической зоне, степи, в одно хронологическое время обитали совместно кочевники угры-мадьяры и полукочевники чувашаи или савиры, главным образом в период великого переселения народов, когда, по всей вероятности, формировался тесный хозяйственно-культурный симбиоз полукочевников-чувашей и типичных кочевников-протовенгров на территории Хазарского каганата в районе салтово-маяцкой археологической культуры. Эту южную географическую локализацию специфического симбиоза двух разных этносов подтверждают в том числе северокавказские заимствования и в чувашском, и в венгерском языках, так как древние венгры (мадьяры) до этого времени даже не знали крупного рогатого скота, традиционно присутствующего в быту полукочевников, доминирующих в восточноевропейской степной зоне, начиная от скифов. Я, как специалист по венгерской праистории, вполне согласен с этим основательно аргументированным мнением автора данной монографии.

Конечно, совершенно верно объяснение автора о том, что современные обские угры и венгры в антропологическом плане весьма сильно отличаются друг от друга. Поэтому их родство теперь прежде всего языковое, однако это, несомненно, отражает былое, т.е. древние этнические контакты. Несмотря на то что абсолютное большинство венгерских алтаистов и тюркологов, как итальянский профессор неомаррист Ангела Маркентони, традиционно вслед за Армином Вамбери некритически и методологически в корне ошибочно считают донные венгров тюркским этносом на основе около 350 чувашских слов относительно земледелия, садоводства и обработки молочной продукции крупного рогатого скота. К сожалению, нужно отметить: видимо, правы те историки науки, которые считают, что иногда неверные концепции обретают в науке особую популярность и для отказа от таких научных мифов требуются годы, а то и столетия.

У чувашей некоторые антропологические показатели, видимо, все-таки ближе к обским уграм, что может свидетельствовать в какой-то мере о древне-угорском субстрате в европейской лесной зоне. Дело в том, что этот факт до сих пор вызывает ожесточенные споры среди зарубежных ученых по разным причинам, прежде всего

историографическим. В прошлом в основном венгерские и финские исследователи вслед за Ф.П. Кеппенем (1886-1890) ошибочно определяли уральскую, финно-угорскую, угорскую и, следовательно, венгерскую прародину в предполагаемых областях исключительно на лесистой территории Поволжья. Последний предполагал, что дикие медоносные пчелы якобы не эндогенны для Западной Сибири и Зауралья, а появились там исключительно поздно, только в XIX в., по его мнению, это индикаторы определения «совместной» прародины древних финно-угров и протоиндоевропейцев 1868/1900. Хотя основоположник российской тюркологии В.В. Радлов (1884) предупреждал Кеппена о том, что в Западной Сибири на Алтайских горах он сам нашел диких медоносных пчел и лестное бортничество около Телецкого озера, и даже корректно указал на языковой материал: *bal* или *pal*.

Новейшие данные российской палинологии и других дисциплин убедительно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология в Венгрии до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы распространения и широколиственного леса около Урала, и спонтанного распространения диких медоносных пчел, и архаического бортничества среди финно-угорских народов, но прежде всего у хантов и манси в Западной Сибири. А поскольку такими были главные биогеографические аргументы при традиционном определении территории уральской финно-угорской, угорской и венгерской прародины, можно сделать вывод, что при установлении восточной границы исходного района древних уральцев или финно-угров зарубежные лингвисты, занимающиеся этой интересной проблематикой, сильно ошибались, когда в течение более 100 лет полностью игнорировали основополагающие данные других наук. Парадокс в истории изучения данной темы состоит в том, что даже те исследователи, которые признавали произрастание липы в Западной Сибири, в том числе в Алтайских горах, были глубоко убеждены, что до рубежа XVIII–XIX вв. дикие медоносные пчелы в Зауралье вообще не были известны. Таким образом, медоносная пчела — хоть и мелкое существо, однако в течение целого века она создавала крупную эмпирическую и методологическую проблему: с одной стороны, в локализации территории, являвшейся исходной для миграции финно-угорских и угорских групп, с другой — в более точном определении места хозяйственного симбиоза чувашского народа с древневенгерским этносом, когда типичные кочевники-мадьяры в восточноевропейской степной зоне под сильным этнокультурным влиянием предков-чувашей стали полукочевниками, частично этнически ассимилируя их. Видимо, вблизи Поволжья, где позже обитали башкиры, средневековые арабские письменные источники ошибочно называли их «маджарами» и таким образом неверно отождествляли с венграми.

По моему мнению, верны сравнительные наблюдения автора и в области религиозных верований, где он также является крупным специалистом. Очень подробны, новы, хотя в некоторых местах могут быть спорны некоторые лингвистические сопоставления автора монографии, особенно когда **на кавказоведа Марра** ссылается господин Салмин по некоторым фонетическим тенденциям, которые сам создатель марризма диалектически категорически отрицал, ссылаясь на марксизм.

Однако лексическая часть работы, по-моему, довольно убедительна. Тем не менее предлагаю добавить: по спорному мнению именитых венгерских тюркологов Немета и Лигети, академиков относительно происхождения термина «лошадь», который согласно новому этимологическому словарю венгерского языка считается все-таки угорским и совершенно отделяется от тюркского слова «алаша».

Этнографическая часть монографии получилась тоже весьма содержательной. Удачно сравнение дуальности в религии чувашей и угров, но надо добавить: может быть, это и универсальное явление, но не генетическое в культурном отношении. Очень убедительны некоторые сюжеты по искусству угорских народов и предков чувашей. Это ценная часть в работе. Здесь много верных и фундаментальных примеров. На них обращается внимание впервые в науке.

Замечания: полностью использованы многочисленные работы венгерского профессора Андраша Рона-Таша; хотя самая важная его работа опубликована лишь недавно, но критика на нее на русском языке уже появились в Москве.

Выводы: монография талантливого российского этнолога, доктора исторических наук Антона Салмина «ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: анализ основных версий» является, несомненно, новым словом в мировой этнологии, а также в области этногенеза и этнической истории чувашского народа. С одной стороны, книга удивит зарубежных угроведов, с другой — тюрковедов и чувашеведов, ибо они до сих пор в основном придерживаются традиционной теории происхождения и венгров, и чувашей. В целом, принимая во внимание вышесказанное, убедительно рекомендуем к печати эту монографию доктора Салмина не только на русском, но и полный текст — на английском и венгерском языках, несомненно, ценную и интересную для мировой этнографии, культурной антропологии, а также новой комплексной науки — этногеографии.